

фиксируем двоякость этого отношения: вражда может быть как активацией этичности, так и искажением со-бытия; как способом убежать в субъективность, так и стимуляцией различия, готовностью к его проявлению. В то же время состязание предстает в качестве режима власти или подчинения, который позволяет действовать вне предположения субъектов напряженностей между ними, но формирует такое пространство, в котором через появление различий и столкновение сил происходит разделение собственного бытия с другими. Понимаемая в таком ключе вражда может принимать форму заботы о со-бытии в его актуальности, в противоположность обыденной своей трактовке как способа бегства от совместности бытия в некоторую объективность. Все вышеизложенное позволяет нам говорить о том, что этика в качестве способа существования может быть реализована также и в форме вражды.

И. А. Ильина

Ницшеанское понимание философии как регулятивной идеи

Вопрос о том, можно ли считать Ницше философом, возник сразу же после выхода в свет его произведений. Ницше сам дает повод этим сомнениям, поскольку во множестве своих произведений неоднозначно оценивает их характер и статус собственной деятельности как мыслителя. В частности, мы можем вспомнить известное произведение под названием «Мы — филологи».

Ф. Ницше писал афоризмы, которые вовсе не вытекали с логической необходимостью один из другого. Истинность этих афоризмов отнюдь не доказывалась их включенностью в единое целое философской мысли. С другой стороны, их истинность не доказывалась и указанием на какие-то строго верифицируемые факты, на основании которых был бы сделан вывод, который и представляет

собой афоризм. Ницше включает в философию два средства выражения — афоризм и стихотворение, таким образом создавая самой формой изложения мысли новую концепцию философии, новый образ мыслителя. Как об этом емко говорит Ж. Делез, «Идеалу познания, поискам истинного он противопоставляет *толкование и оценку*. Толкование закрепляет всегда частичный, фрагментарный “смысл” некоего явления; оценка определяет иерархическую “ценность” смыслов, придает фрагментам цельность, не умаляя и не упраздняя при этом их многообразие. Именно афоризм являет собой как искусство толкования, так и нечто, толкованию подлежащее; стихотворение — и искусство оценки, и нечто, оценке подлежащее. Толкователь — это физиолог или врачеватель, тот, кто наблюдает феномены как симптомы и говорит афоризмами. Ценитель — это художник, который наблюдает и творит “перспективы”, говорит стихами. Философ будущего должен быть художником и врачевателем, одним словом, — законодателем»¹.

Таким образом, представитель «классического» рационализма, или «классического» эмпиризма, ни по каким критериям не мог бы отнести учение Ницше собственно к философии. Казалось бы, такому отрицанию философского характера своих произведений Ницше прямо способствовал сам. Он подчеркнуто критично высказывался о философах. Ницше включал в свои произведения стихи, претендуя на звание поэта. Как мы уже указывали, он прямо относил себя к филологам. Кроме того, Ницше утверждал, что, создавая свои афоризмы, он соперничал с французскими литераторами. Казалось бы, всего этого достаточно, чтобы отлучить Ницше от профессионального цеха философов. Как замечает К. А. Свасьян: «Правы те профессиональные философы, которые пожимают плечами, или разводят руками, или делают еще что-то в этом роде при словосочетании “философия Ницше”. Он совсем не философ в приемлемом для них смысле слова»².

¹ Делез Ж. Ницше. СПб. : Аxiома, Кольна, 1997. С. 26–27.

² Свасьян К. А. Фридрих Ницше: мученик познания // Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1990. Т. 1. С. 13.

Однако наследие Ницше не оставляет сомнений: у него был план создания системного, единого учения, которое представило бы всю его философию в цельности. Даже существование такого плана, оставшегося нереализованным, не позволяет нам, однако, считать Ницше всего лишь эксцентричным оригиналом, который создал в своей голове философию классического типа. Ницше, подобно изобретателю-конструктору, предложил читателям не готовую модель мировоззрения, а всего лишь набор деталей, из которых можно ее собрать, предполагая, что из этих деталей можно собрать одну-единственную модель, а именно ницшеанство. При этом, собирая предложенную модель, читатель находится в плену той иллюзии, что творчество его самостоятельно.

Задача Ницше состояла вовсе не в том, чтобы побудить читателя к «самостоятельному» конструированию его философской системы, он хотел вовсе не того, чтобы каждый его читатель стал философом-метафизиком, который превыше всего ценит философию как таковую. Замыслы Ницше простирались гораздо дальше. Развивая самостоятельную активность читателей, он хотел побудить их к изменению мира. Говоря строго, его философия выступала не целью, а всего лишь средством для решения социальных задач.

Больше того, Ницше желал не только изменений существующей современной ситуации в мире, но и изменений путей исторического развития человечества.

Понять суть того, как Ницше толковал историческое предназначение своего учения, его задачи и функции в обществе, можно только с учетом того, как он сам квалифицирует свою деятельность. И в полном соответствии с избранными формами выражения мысли — афоризмом и стихотворением — он именуется «философским врачом»³. До сих пор в нашей литературе не уделено достаточно внимания этой самой квалификации. Между тем, образ «философского врача» достаточно ясно указывает на целый

³ *Ницше Ф.* Веселая наука // *Ницше Ф.* Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1990. Т. 1. С. 609.

круг основополагающих представлений Ницше о себе самом, об обществе и о человеческой истории в целом.

Во-первых, понятие «врач» предполагает понятие «болезнь» и «здоровье». «Философский врач» должен исцелить современность от болезни и вернуть ей утраченное здоровье.

Во-вторых, это понятие явно контрастирует с весьма распространенными сегодня понятиями: социальный инженер, либо социальный технолог, которые получили известность не без влияния позитивизма. Сравнение общества с механизмом, с машиной, которую инженер или технолог может проектировать, собирать или разбирать по своему усмотрению, было совершенно неприемлемо для Ницше. Врач имеет дело с живым организмом, он никогда не может представить, будто способен придумать живой организм, разобрать его, не причинив вреда, и тем более собрать из него новый организм, способный к жизни. Врач всегда выступает в роли биолога (даже современные психиатры не составляют исключения, поскольку говорят о соматических факторах, влияющих на психическое заболевание).

Ницше ставит диагнозы не только отдельным людям, но и целым народам. Так, например, он пишет: «Народ, который в каком-либо отношении начинает разрушаться и слабеть, но в целом еще силен и здоров, способен воспринять в себя заразу нового и усвоить ее к своей выгоде»⁴. Философия может придать народу силы и мужество, а может, наоборот, ввергнуть его в состояние пассивности и апатии.

Отдельный мыслитель, деятель культуры, также должен рассматриваться «философским врачом» прежде всего как пациент, одним из проявлений специфической болезни которого является его творчество. О том же косвенно свидетельствует название работы «Казус Вагнер». Ницше претендует на то, что он ставит своему бывшему кумиру именно врачебный диагноз: «Наши врачи и физиологи имеют в Вагнере интереснейший казус, по крайней

⁴ *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов. М. : Мысль, 1990. С. 359.

мере, очень полный»⁵. Само понятие «казус» на языке врачей означает индивидуальную форму проявления одного или нескольких заболеваний у отдельного человека.

Иногда в дополнение к понятию «философский врач» Ницше использует понятие «психолог». Смысл этого понятия, однако, совершенно отличается от современного. Психолог, в понимании Ницше, — это именно врач-диагностик, который выявляет связь между состоянием телесного здоровья и состоянием здоровья психического. Задача психолога заключалась в том, чтобы соотнести философские идеи, произведения культуры, моральные доктрины, эстетические концепции с состоянием биологического здоровья того, кто их создал или воспринял. Именно этим и занимались те французские «моралисты», которых Ницше считает своими предшественниками и которых он называет психологами. Эти придворные были психологами именно потому, что они прекрасно распознавали у себе подобных аристократов эгоизм, себялюбие и агрессивность, скрывавшиеся за их лицемерно христианскими обоснованиями собственных поступков. Результаты своих наблюдений над людьми французские придворные афористы выражали в кратких и емких формулах — остротах. Это было вполне понятно, ведь придворная аудитория, к которой они обращались, вовсе не была склонна к чтению основательных трактатов.

Ницше мыслит себя продолжателем дела салонных афористов вовсе не потому, что он сам притязает на лавры остролова. Он намерен превратить то, что делали французские «писатели-аристократы» в порядке шутки, для развлечения публики, в серьезное дело — в диагностику с последующим лечением. Ницше полагает, что отдельные их меткие замечания, должны превратиться в рутинное психологическое наблюдение. Это наблюдение представляет собой именно врачебное наблюдение, которому должны быть подвергнуты все сколько-нибудь заслуживающие внимания деятели культуры.

⁵ Ницше Ф. Казус Вагнер. Проблема музыканта // Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1990. Т. 2. С. 535

«Философский врач» в представлении Ницше должен уметь распознавать за философскими и художественными произведениями других состояния их здоровья или нездоровья. Ницше полагает, что может определить по философскому тексту, в каком состоянии здоровья он был написан, более того, он заявляет, что способен определить условия, в которых был написан тот или иной текст. Он пишет: «Мы читаем редко, но не читаем по этой причине хуже — о, как быстро мы догадываемся, как кто-либо пришел к своим мыслям, не в сидячей ли позе, пред чернильницей, со сдавленной утробой, склонив голову над бумагой: о, как быстро мы отделяемся от его книги! Стиснутые внутренности — об этом можно было бы побиться об заклад — выдают себя, точно так же, как духота в комнате, давящий потолок и теснота стен... В книге какого-нибудь ученого есть почти всегда и что-то давящее, и подавленное: где-нибудь да выкажет себя “специалист”, его прилежание, его серьезность, его угрюмость, переоценка им того угла, в котором он сидит и тклет свою паучью сеть, его горб — у каждого специалиста есть свой горб. Книга ученого всегда отражает и перекошенную душу: каждое ремесло перекашивает на один бок»⁶.

После проведенной таким образом диагностики философ-психолог должен разделить все философские произведения на способствующие жизни и препятствующие ей, на здоровые и больные. Выражающие здоровье и способствующие здоровью произведения культуры часто характеризуются понятием «ресентимент», что можно в данном случае перевести как «жизненный задор», готовность к самоутверждению в борьбе. Наоборот, выражающие нездоровье и способствующие нездоровью произведения характеризуются как декадентские. Ницше надеется на то, «что когда-нибудь появится философский *врач* в исключительном смысле слова — способный проследить проблему общего здоровья народа, эпохи, расы, человечества, — врач, обладающий мужеством обострить до крайности мое подозрение и рискнуть на следующее положение: во всяком философствовании дело шло донныне

⁶ Ницше Ф. Веселая наука. С. 366.

не об «истине», а о чем-то другом, скажем о здоровье, будущности, росте, силе, жизни...»⁷.

Наконец, в-третьих, врач должен не только ставить диагноз, но и должен предложить лечение. Если общество больно в моральном и культурном отношении, то «философский врач» призван найти средство для его исцеления. Проблема, однако, состоит в том, что, в отличие от профессионального врача, «философский врач» вовсе не имеет изначального, пусть и не всегда ясного представления о здоровье, которое надо просто «вернуть». Здоровую мораль и здоровую культуру надо предварительно представить себе как идеал, к которому нужно стремиться для излечения. Ницше вполне отдает себе отчет в том, что этот идеал не следует искать в прошлом, в образе «благородного дикаря», вроде описываемых последователями Ж. Ж. Руссо, или в образе здорового первобытного человека, каким его рисует А. Гелен. Здоровье человечества будущего не следует искать в прошлом. Его можно и нужно выявить в настоящем, как возможность, потенцию, чтобы затем создать все условия для его расцвета. С этой точки зрения, афоризм — это не только диагноз, не только констатация налично данного, без всякой оценки. «Философский врач», создающий афоризм, непременно оценивает моральные и культурные заболевания и указывает путь к выздоровлению, хотя бы своим насмешливым отношением к тому, от чего нужно освободиться. Ж. Делез подчеркивает, что для изложения своей философии Ницше выбрал афоризм и стихотворение, которые явились для него «двумя образными средствами выражения; однако их выразительность определенно связана с философией. Афоризм, рассмотренный формально, предстает как *осколок*; он — форма плюралистической мысли и в своем содержании стремится высказать и сформулировать некий смысл. Смысл некоего бытия, поступка, вещи — таков объект афоризма... Только афоризм является интерпретацией и искусством толкования. Точно так же поэма представляет собой оценку и искусство оценивания: она провозглашает ценности. Но при этом ценности

⁷ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое... С. 494–495.

и смысл понятий столь сложных, что саму поэму следует оценить, а афоризм истолковать»⁸.

Ницше претендует на значительно большее, чем врачевание. Он желает превратить свое учение в регулятивную идею, т. е. в специфическое средство воздействия на все без исключения сферы общественной жизни. Под регулятивной идеей некоторые представители современной философской антропологии понимают тот комплекс жизненных представлений, посредством которых можно управлять энергией народа, регулируя ее, т. е. увеличивая или сдерживая ее по мере необходимости. Оптимальный режим, обеспечивающий развитие общества, находится в середине шкалы, крайности которой одинаково губительны. Одной крайностью является упадок жизненной энергии, отсутствие готовности к самоутверждению, к ответу на вызовы других обществ, нежелание активно действовать, социальная апатия. Другая крайность представляет собой выход жизненной энергии общества из-под его контроля, чрезмерное возрастание воли к мощи у членов общества и на уровне всего общества, что приводит к обострению социальных напряженностей, конфликтов и войн как внутри общества, так и на международной арене. Дабы избежать этих крайностей, необходимо «... иллюзиями, односторонностями, страстями нагревать, а с помощью познающей науки — предупреждать дурные и опасные последствия чрезмерного нагрева»⁹. Это поможет, с одной стороны, избежать излишнего распространения декадентских идей, которое может привести к потере жизненной активности, к тому, что жизнь, все более и более обесцениваясь, будет принимать болезненные формы. С другой стороны, чрезмерного распространения «ресентимента», дабы избежать возможного социального взрыва.

Тем самым определяется социальная миссия философа-ницшеанца. Используя весь многообразный спектр философских учений и иных произведений культуры, он может предотвратить вышеуказанные крайности. И если энергия общества упала ниже

⁸ Делез Ж. Ницше и философия. М. : Ad Marginem, 2003. С. 88–89.

⁹ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое... С. 374.

допустимых пределов, он должен подогреть ее стимулирующими философскими учениями и художественными произведениями; если энергия общества подходит к верхнему пределу и грозит социальным взрывом, он должен охлаждать и гасить агрессию.

Воля к мощи сама по себе, скрытая в глубинах человеческой души, не добра и не зла: это просто энергия, которая может обернуться добром или злом. Психологическое познание души научит не только не опасаться таящейся в ней энергии, но контролировать ее и использовать на благо. И если кто-либо еще не решил, «приносит ли психологическое наблюдение больше пользы или больше вреда для людей», то, очевидно, он «несет в себе слишком мало огня; стоит лишь ему оглянуться, как он заметит болезни, которым потребны ледяные компрессы, и людей, которые “слеплены” из пламени и духа, что они едва ли могут найти для себя где-либо достаточно холодный и режущий воздух. Больше: подобно тому как слишком серьезные личности и народы имеют потребность в легкомысленных вещах, — подобно тому как другие, слишком подвижные и возбудимые, по временам нуждаются для своего здоровья в гнетущем бремени, так и мы, *более духовные* люди эпохи, которая явно все долее объемлется пламенем, — не должны ли мы хвататься за все средства тушения и охлаждения, какие только существуют, для того чтобы остаться по крайней мере столь же постоянными, скромными и умеренными, каковыми были до сих пор...»¹⁰.

Соответственно, все философские учения, произведения культуры прошлого должны с этой точки зрения оцениваться, прежде всего, по степени их влияния на общество. Великие философы, художники прошлого должны оцениваться с профессиональной точки зрения: умело ли и своевременно ли они влияли на жизненную энергию общества или, наоборот, чрезмерно охлаждали либо разогревали котел общественных страстей, в какой степени они открывали «возможности жизни», путешествуя по «отдаленнейшим и опаснейшим областям жизни». Именно тогда, когда

¹⁰ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое... С. 266.

общественное сознание переживает кризис, возрастает роль философии, которая, по мнению Ницше, способна регулировать жизнь общества, отыскивать и предлагать новые возможности жизни. Именно в эти периоды возрастает роль философа-психолога. Философия возникает на той стадии развития общества, народа или цивилизации, когда они не только достигли пика своей зрелости, но и обнаружили серьезные проблемы, вступили в состояние глубокого кризиса, требующее перехода на более высокую ступень социально-исторического бытия. Философия является важным фактором единства не только общечеловеческой культуры, но и той культуры, в лоне которой создаются конкретные философские учения. Философ является неотъемлемой частью своего народа, поэту его творчество неотделимо от судьбы данного народа.

Но Ницше идет еще дальше. Философ — это не просто врачеватель и не только изобретатель возможностей жизни: он — законодатель. Иначе говоря, философия не просто на основании наблюдаемых симптомов выявляет причины болезни и исцеляет современность, возвращая ей утраченное здоровье, она не только открывает и изобретает новые возможности жизни, способствуя раскрытию внутренних скрытых сил современности, непрерывному процессу обновления человечества. Законодательная функция философии заключается в том, что она не только критикует все прежние превосходящие жизнь ценности, а также принцип, которому эти установленные ценности подчиняются: философия творит новые ценности, которые, соответственно, требуют нового принципа. *«Подлинные же философы — суть повелители и законодатели; они говорят: “так должно быть!”*, они-то и определяют “куда?” и “зачем?” человека и при этом распоряжаются подготовительной работой всех философских работников, всех победителей прошлого, — они простирают творческую руку в будущее, и все, что есть и было, становится для них при этом средством, орудием, молотом. Их “познавание” есть *созидание*, их созидание есть законодательство, их воля к истине есть *воля к власти*. — Есть ли нынче

такие философы? Были ли уже такие философы? Не *должны* ли быть такие философы?»¹¹.

Философия как регулятивная идея превращается в посредника времени. Философия-врачевание излечивает современность от прошлых болезней. Философия-толкование интерпретирует современность, открывая новые возможности жизни. Философия-законодатель устанавливает новые ценности на основе нового принципа.

В. Е. Кемеров

Концепция радикальной социальности

Слово радикальная в определении социальности использовано в его прямом смысле, указующем на укорененность социальности во всех основных аспектах индивидуального и совместного бытия людей. Стало быть, разговор — не об отдельных сферах, отраслях, сторонах, а о незаместимых формах, без которых невозможен общественный процесс. Речь — не о политических или методологических крайностях, а о взгляде (и переходе), преодолевающем упрощенные антитезы индивидуального и коллективного, предметно-телесного и интересубъективного, непосредственно-личного и опосредованно-общественного.

Возможен ли социальный процесс, если в нем отсутствует напряжение, создаваемое индивидуальной самореализацией? Исчерпывается ли он непосредственным взаимодействием социальных индивидов, их общением, их коммуникациями? И почему бы, собственно, не рассматривать вещи как социальные связи, а предметность деятельности — как динамику субъектов, а не только вещей?

Эти вопросы суммируются в один, главный; под вопрос ставятся частичные и остаточные трактовки социальности: 1) как

¹¹ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения. Т. 2. С. 335–336.